

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wdnbjk>

Тема любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики» (1923)

Маликова Юлия Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2891-1920

<https://orcid.org/0000-0001-7312-2664>malikovaele@yandex.ru

Аннотация: Роман К. Г. Паустовского «Романтики» (1923), являясь первым образцом работы автора в подобном жанре, тем не менее отражает трансформацию представлений о романтической любви и выстраивает взаимосвязь этой темы с творчеством как наивысшим образцом созидательной деятельности человека. Данная тема в настоящее время является малоизученной, что обуславливает ее новизну, одновременно с этим усиливающийся в последние годы интерес к романному творчеству К. Г. Паустовского подчеркивает ее актуальность. Цель – изучить тему любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики», ее трансформацию и взаимосвязь с темой творчества. Цель достигается через анализ и интерпретацию образов персонажей, испытывающих любовные переживания, выявление и характеристику типов таких персонажей, рассмотрение влияния любви на процесс преобразования личности главного героя. Работа выполнена в рамках историко-литературного подхода с применением метода сопоставительного анализа. Отмечено, что К. Г. Паустовский обращается в своем раннем произведении к романтической традиции, трансформируя ее и создавая собственную концепцию жизни и творчества, основанную на принципах гуманизма и жизнелюбия. Главный герой – писатель Максимов, создающий в течение всего произведения книгу под названием «Жизнь», одновременно с этим переживает ситуацию любви к двум женщинам, а также трагедию Первой мировой войны. Творческий кризис Максимова, возникающий уже в начале произведения, постепенно разрешается благодаря встрече с героинями, образы которых соотносятся с двумя типами романтических красавиц, ангельским и демоническим. Любовь к Хатидже и Наташе показывает Максиму новые стороны жизни и позволяет преодолеть внутренний конфликт. Потеря же в результате войны одной из возлюбленных приводит не к вынужденному выбору одной из них, а к слиянию женских образов в гармоничный Вечно Женственный, в чем видится переосмысление романтической традиции. Через соприкосновение с опасностями герой познает суть жизни, которая заключается в ее торжестве над смертью благодаря любви.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский, роман, «Романтики», тема любви, тема творчества, образ, тип героя, романтизм, неоромантизм, неореализм

Цитирование: Маликова Ю. В. Тема любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики» (1923). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 629–636. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-629-636>

Поступила в редакцию 11.03.2024. Принята после рецензирования 13.06.2024. Принята в печать 17.06.2024.

full article

Love in Konstantin Paustovsky's *Romantics* (1923)

Yulia V. Malikova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

eLibrary Author SPIN: 2891-1920

<https://orcid.org/0000-0001-7312-2664>malikovaele@yandex.ru

Abstract: Konstantin G. Paustovsky's novels remain understudied as a research material. *Romantics* (1923) is his first novel in this genre. The novel reflects the transformation of his ideas about romantic love and connects it with the motif of creativity as an ultimate form of human activity. The article describes the characters-in-love and the effect of love on their personality development. The study relied on the method of comparative analysis

as part of historical and literary approach. In his early works, K. G. Paustovsky referred to the romantic tradition, which he transformed to create his own concept of life and creativity based on the principles of humanism and love of life. Maximov, the main character of *Romantics*, keeps writing a book called *Life* while being in love with two women against the tragic background of World War I. Maximov's feelings for the two women gradually resolve his creative crisis. Hatija and Natasha represent two sides of romantic beauty, i.e., angelic and demonic. Love shows Maximov new sides of life and allows him to overcome the internal conflict. When one of the women is lost to him in the chaos of war, both female images merge into a single harmonious Eternal Femininity, which is a remake of the romantic tradition. By facing various dangers, Maximov learns the essence of life: love brings about its triumph over death.

Keywords: Konstantin G. Paustovsky, novel, *Romantics*, theme of love, theme of creativity, image, type of personage, romanticism, neo-romanticism, neorealism

Citation: Malikova Yu. V. Love in Konstantin Paustovsky's *Romantics* (1923). *SibScript*, 2024, 26(4): 629–636. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-629-636>

Received 11 Mar 2024. Accepted after peer review 13 Jun 2024. Accepted for publication 17 Jun 2024.

Введение

Тема любви является одной из вечных для произведений искусства самых разных направлений. Особое место она занимает в искусстве рубежа XIX–XX вв. в связи с философско-эстетическим мифом эпохи модерна о спасительной любви. Развитие стилевых тенденций этого периода привело к актуализации и романтической традиции, в связи с чем многие исследователи стали говорить о возрождении романтизма на новом уровне его развития, который получил наименование *неоромантизм*. Согласно замечанию З. Г. Минц, неоромантизм в самом широком его понимании возник как реакция на «бытописательные тенденции русского реализма» второй половины XIX в. [Минц 2004: 317]. В то же время, как отмечает М. Н. Липовецкий, комплекс мотивов и тропов, характерный для неоромантизма, объединяет писателей и поэтов, принадлежащих к разным литературным группам, в том числе представителей социалистического реализма [Липовецкий 2018]. Одним из писателей, в творчестве которого обнаруживаются черты неоромантизма, является К. Г. Паустовский. Это свойство его художественного мира неоднократно привлекало исследовательское внимание. Как отмечает Л. С. Ачкасова, «романтическая форма концепции социалистического реализма» [Ачкасова 1977: 5], «романтическая стилевая линия социалистического реализма» [Там же: 14]. Подобное мнение разделяют и некоторые другие исследователи [Алексанян 1969; Кременцов 1982; Левицкий 1977].

В романном творчестве К. Г. Паустовского, а особенно в малоизученном произведении «Романтики» (1923), название которого прямо отсылает к романтической традиции, реализуется классическая

для романтиков концепция любви. Помимо того, что любовь у К. Г. Паустовского изображается как «высочайшая реальность, вхождение в область высших идеальных ценностей» [Манн 1995: 32], она неразрывно связана с творчеством, что опять же характерно для романтической аксиологии. К примеру, именно благодаря любви к Матильде главный герой романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» становится настоящим поэтом, любовные переживания раскрывают в нем его творческую натуру. Любовь в представлении романтиков способна вывести человека за грань реальности, стать импульсом для творческой деятельности. Эта связь категорий любви и творчества, на наш взгляд, предопределяет развитие сюжета произведения «Романтики», отражаясь в судьбе главного героя.

Наследие К. Г. Паустовского на данный момент исследовано достаточно подробно. При этом наиболее изученными следует назвать тему творчества [Ачкасова 1977; Карпеченко 2000], проблему взаимодействия человека и природы [Мантрова 2010], жанровое своеобразие творческого наследия автора [Алексанян 1969; Хрящева, Сухорукова 2012]. Эти же аспекты привлекают внимание исследователей в XXI в. в связи с переосмыслением методологических установок: вместо соцреализма в трудах современных литературоведов утверждается мысль о развитии реалистической традиции в творчестве автора. Р. Д. Рахимова пишет о формировании гуманистической концепции у К. Г. Паустовского [Рахимова 2023]. М. В. Скороходов рассматривает особенности личной библиотеки писателя, а также его героев [Скороходов 2023]. И. С. Болдонова

и С. С. Имхелова путем детального исследования повести «Мещерская сторона» исследуют сущность натурфилософской концепции понимания взаимоотношений человека и природы в творчестве К. Г. Паустовского [Болдонова, Имхелова 2019]. Продолжается исследование мотивного комплекса творчества автора в работах Д. М. Борисовой [Борисова 2022; 2023]. В статье В. Ю. Даренского затрагивается вопрос о функции взаимосвязанных категорий любви и творчества как символов преодоления смерти в произведениях К. Г. Паустовского [Даренский 2022].

Однако исследований, посвященных рассмотрению темы любви в творчестве К. Г. Паустовского, на данный момент недостаточно. Кроме того, без детального осмысления темы любви, на наш взгляд, невозможно полноценное постижение смысла исследуемого произведения.

Цель статьи – изучить тему любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики», ее трансформацию и взаимосвязь с темой творчества. Нарастающий в последние десятилетия интерес к романной прозе К. Г. Паустовского [Девятярова 2011; Налегач 2020; Хрящева, Сухорукова 2012] обуславливает актуальность предлагаемой работы, а анализ развития темы любви в указанном романе обеспечивает ее новизну.

Методы и материалы

Материалом стал роман К. Г. Паустовского «Романтики»¹ (1923). Отбор анализируемых эпизодов происходил с учетом актуализации в них любовной тематики с учетом их роли в романе как художественном целом, имеющем политематическую организацию. Работа выполнена в рамках историко-литературного подхода с применением метода сопоставительного анализа, что обусловлено соотношением авторской аксиологии, проявленной в заглавии романа со стилевыми установками эпохи романтизма.

Результаты

Как отмечают некоторые исследователи, в «Романтиках» концепция любви выражается в тяге героя к поиску выхода из хаоса мировой войны в иррациональной любви [Грешилова 2023; Сивова 2023]. Однако мы считаем, что тема любви уже в раннем творчестве писателя гораздо сложнее и не ограничивается лишь одной функцией спасения героя. Главный герой романа, писатель Максимов – человек, обладающий уникальным,

отличным от большинства мировоззрением, особым отношением к любовным переживаниям. Наивысшей ценностью, помимо любви, для него становится творчество, которому он как истинный писатель посвящает всего себя. И именно через изображение процесса создания героем своего романа и через взаимодействие героя с его возлюбленными женщинами К. Г. Паустовский показывает изменение Максимова.

Тема творчества возникает в «Романтиках» уже в первой главе с появлением старика Оскара, школьного учителя Максимова, Сташевского и Винклера. Он с самого детства мечтал заниматься музыкой и даже написал фантастическую оперу, оставшись тем не менее непонятым как близкими людьми, так и профессиональными музыкантами. Возможность заниматься творчеством была для Оскара единственной радостью, приносящей при этом страдания и заставляющей переживать критику и насмешки. Являясь учителем Максимова, Оскар, безусловно, оказал влияние на процесс его становления и показал своим примером неразрывность творчества и страданий в жизни человека, избирающего путь творца, но вместе с тем поделился счастьем, которое приобретает человек благодаря возможности творить.

В формировании личности Максимова немало важную роль сыграл и круг его чтения, культурная среда, безусловно, романтическая, в которой он воспитывался, а также самые незначительные детали окружающего мира: *Я пишу о теплом женском дыхании, сумраке приморских кафе, о Шелли, о снежной музыке Грига, о желтых берегах Эллады и смерти Байрона* (с. 25). Герой влюблен в жизнь во всех ее проявлениях, и это вдохновляет его в его творческой деятельности. Влияние, оказываемое на Максимова той средой, в которую он попадает, теми людьми, с которыми он взаимодействует в течение жизни, постепенно преобразует личность героя. В этом наблюдаются жанровые черты романа становления, среди которых помимо упомянутого «Генриха фон Офтердингена», безусловно, следует назвать роман Ф. Шлегеля «Люцинда», «Жизнь Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса, «Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гете, в которых герой зачастую, как и Максимов, оказывается влюбленным как в героиню, так и в саму жизнь.

С самого начала романа Максимов трудится над созданием книги, которую он называет «Жизнь». По его собственным замечаниям, работа над романом

¹ Паустовский К. Г. Романтики. In: Паустовский К. Г. *Собрание сочинений в восьми томах*. М.: Худ. лит., 1967. Т. 1. С. 21–190. Далее по тексту цитаты из романа приведены с указанием страниц в круглых скобках после цитаты по данному изданию.

движется тяжело: *Все выходило нудно, глупо. Я рвал написанное. Дни проходили без всякого смысла* (с. 73); *Всю крепость свою я отдал «Жизни»* (с. 88). Максимов связывает отсутствие вдохновения с недостатком в своей жизни страданий, в том числе любовных, которые он воспринимает как источник получения писательского опыта. Это напоминает пушкинскую концепцию связи вдохновения и любовных переживаний, выраженную в его знаменитом стихотворении «К ***»:

*В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви*².

Показательно в этой связи, что преодоление творческого кризиса начинается в момент встречи с Хатидже. Эту девушку он знал еще в детстве, поэтому момент встречи героев напоминает платоновское припоминание: через соприкосновение с объектом чувственного мира Максимов окунается в мир идеального. Увидев Хатидже впервые, Максимов замечает прекрасное астрономическое явление – зодиакальный свет, который также наблюдал герой «Божественной комедии» А. Данте, когда встретил Беатриче, оказавшую огромное влияние на судьбу героя и его формирование как поэта. Благодаря упоминанию героини итальянской поэмы актуализируется мотив спасительной любви, способной провести героя через сложнейшие испытания и преобразить его личность.

В «Романтиках» Максимов видит красоту души Хатидже, и возникающая к ней любовь начинает преобразовать героя: *Я опускаю глаза, чтобы встречные женщины не подумали, что я люблю их всех, Сташевский посмотрит и обо всем догадается* (с. 56). Притягательность героини возбуждает соперничество между Максимовым и его близким другом, художником Винклером, который всей душой полюбил Хатидже. Однако она сделала выбор в пользу Максимова, ощущая в нем нестигаемый дух жизни. Сравнивая Максимова и Винклера, можно заметить, что, оказавшись в тяжелой ситуации, первый продолжает жить и находит в себе силы созидать, второй же добровольно уходит из жизни и уничтожает собственные картины, тем самым уступая смерти. Таким образом К. Г. Паустовский выстраивает концепцию героя-творца, достойного любви, а ситуация

выбора Хатидже в пользу Максимова отражает идею возможности рождения подлинного искусства лишь из духа жизни.

Между эстетикой смерти, распространенной в искусстве начала XX в., и духом жизнеутверждения, характерным для неореализма в этот период, К. Г. Паустовский всегда выбирает жизнь. Закономерно, что впоследствии он напишет предисловие к собранию сочинений А. И. Куприна, акцентировав в творческой системе автора гуманизм и трепетное отношение к жизни: «Любовь Куприна к человеку проступает ясным подтекстом почти во всех его повестях и рассказах, несмотря на разнообразие их тем и сюжетов»³. А одним из своих главных учителей К. Г. Паустовский считает гения неореализма И. А. Бунина: именно ему на суд он отправляет свои первые стихи. Немаловажным фактом в творческой биографии писателя является и его идейная связь с литературным объединением «Серapiоновы братья», в творчестве и жизни которых, как видно из цикла очерков «Литературные портреты», он обнаруживал вдохновляющую силу искусства, органически выращенного на традиционных ценностях великих русских классиков.

С появлением в «Романтиках» еще одной героини – Наташи – начинается усложнение любовной темы. Встретив ее, Максимов поначалу испытывает муки совести, ощущая страсть к другой женщине. Однако встреча с Наташей актуализирует традиционную для романтизма ситуацию внутреннего противоречия героя, мечущегося между двумя типами красавиц, ангелоподобной и демонической. Ю. В. Манн характеризует наличие в романтических произведениях противоположных по характеру женских персонажей как «противоречие между идеалом Мадонны, которая "выше мира и страстей", и вакхическим идеалом чисто "земной", не знающей компромиссов языческой страсти» [Манн 1995: 62]. В. М. Жирмунский отмечает, что данные типы романтических героинь восходят к байроническим образам: «восточная женщина с черными глазами и темными волосами и прекрасная христианка, голубоглазая и светловолосая» [Жирмунский 1978: 161]. Исследователь подчеркивает, что контраст между героинями прослеживается не только в их внешнем облике, но распространяется на их внутренний мир: «нежная, кроткая, добродетельная христианка и страстная, необузданная, преступная гаремная красавица» [Там же: 164].

² Пушкин А. С. К *** (Я помню чудное мгновенье...). In: Пушкин А. С. *Стихотворения Александра Пушкина*. СПб.: Наука, 1997. С. 192.

³ Паустовский К. Г. Поток жизни (заметки о прозе Куприна). In: Куприн А. И. *Собрание сочинений в 6 томах*. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 8.

Если говорить об изображении любви к двум женщинам в произведении романного жанра, то следует упомянуть классический образец эпохи романтизма – «Айвенго» В. Скотта, в котором также представлены две героини – леди Ровена и Ребекка. Первая – образец средневековой прекрасной дамы, символизирующая классический объект любви храброго рыцаря. Вторая же, Ребекка, страстная и деятельная, но вместе с тем самоотверженная героиня. В конечном итоге, выбирая Ровену, Айвенго совершает традиционный для романтического героя выбор в пользу ангелоподобной белокурой красавицы. Выбор между мечтающей о простом семейном счастье Лабаньей и страстной и непокорной Кэти приходится делать герою романа «Последняя поэма» («Шешер кобита») индийского писателя Р. Тагора. Интерес вызывает тот факт, что в финале произведения после совершенного героями выбора Лабанья, переживающая разлуку с возлюбленным, пишет прощальное письмо-стихотворение, преобразуя тем самым драматическое переживание в объект искусства. Намного более сложный по своей структуре и содержанию роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» также содержит в себе ситуацию выбора героя. Однако в нем, по мнению О. А. Гримовой, метания Юрия Живаго между Тоней, Ларой, а затем и Мариной отражают не только ситуацию его самоопределения как влюбленного мужчины, но и демонстрируют перипетии жизненного пути человека, оказавшегося жертвой глобального исторического процесса [Гримова 2013]. При этом из тяжелейших переживаний поэта рождается поистине ценное и вечное – поэтическая тетрадь героя, его творческое наследие.

В «Романтиках» возлюбленных Максимова – Хатидже и Наташу – действительно можно соотнести с двумя типами романтических красавиц. Носительница экзотического имени Хатидже – девушка, обладающая при этом абсолютно ангелической внешностью: *Она быстро шла к вокзалу, вся в белом. Ее волосы золотились под солнцем, лицо посмуглело и темно-зеленые радостные были глаза* (с. 116). В момент встречи с Максимовым Хатидже находится в состоянии поиска нового смысла жизни после окончания обучения в Сорбонне и переезда из Парижа обратно в Россию. Герой и его творчество становятся для Хатидже этим смыслом, она, подобно Беатриче, превращается в его ангела-хранителя. Безграничная доброта, которая есть в Хатидже, поддерживает Максимова, однако герой считает, что счастье не дает писателю того опыта, которым он может поделиться с читателями,

поэтому стремится разлучиться с возлюбленной. И именно в этой разлуке Максимов встречает Наташу.

Наташа во многом является противоположностью Хатидже. Даже территориально Хатидже находится на юге, а Наташа встречается Максиму в Москве, увозя затем героя на север, в Архангельск. Наташа – эмоциональная, импульсивная женщина, обладающая разрушительной энергией. Так, при встрече с Максимовым она, не раздумывая, выбрасывает за борт его книгу, в которой лежит еще непрочитанное письмо от Хатидже. Максимов считает, что любовь героини способна сохраняться только в экзотических условиях: *С Наташей жить нельзя. Месяц вместе – и потом конец. Есть люди, которые не выносят любви, похожей на часовой механизм, любви, что стучит ежедневно, размеренно и скоро надоедает. Через месяц ее уже надо заводить, потом пружина ослабевает, и заводить надо уже не раз в месяц, а каждый день* (с. 146). Наташа для Максимова – источник сильного чувства, напоминающего горящий огонь. Хатидже – теплый домашний очаг. В отличие от своей соперницы Наташа не готова делить Максимова с кем-либо, в одном из их разговоров она поет песню: *Запомни фразу, лихой моряк: Любить двух сразу нельзя никак* (с. 167).

Своей своенравностью, импульсивностью и эгоизмом Наташа напоминает демона. В противоположность ангелоподобной сущности Хатидже демоническая натура Наташи очень быстро притягивает к себе Максимова, но также сильно она и отталкивает его от себя своей ненадежностью и непостоянством.

Узнав о влюбленности Максимова в Наташу, Хатидже испытывает боль: *Получила письмо из Архангельска. Тяжело, но спокойно. Кроме тебя никого нет* (с. 95). Как женщине ей грустно осознавать, что ее возлюбленный полюбил кого-то кроме нее, однако она понимает, что Максиму как писателю необходимы подобные переживания: *Очевидно, все, что ты делаешь, – нужно. В твоей жизни будет много потрясений, любви, горя, ты должен пройти через все, но всегда, когда ты захочешь, я буду около тебя* (с. 98). Позднее, когда Максимов привозит Наташу на Четыр-Даг, где находится и Хатидже, ангелоподобная героиня относится к гостю не как к сопернице, а как к доброй подруге, даже укрывает своей шалью, не давая замерзнуть. Крымский пейзаж, на фоне которого происходит первая встреча соперниц, напоминает сюжет известной романтической поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Однако, несмотря на сходство, в пушкинском произведении страстная грузинка Зарема, противостоящая похищенной ханом Гиреем невинной княжне

Марии, открыто требует вернуть ей любовь героя: *Оставь Гирея мне: он мой*⁴. Мария, как и Хатидже, неоднократно сравниваемая с нежным и хрупким ангелом, смиренно выслушивает свою соперницу. Зарема имеет общие черты с Наташей – с ее демонической красотой, страстностью и непокорностью.

У А. С. Пушкина противостояние героинь заканчивается гибелью обеих, К. Г. Паустовский же трансформирует романтический сюжет, внося в него иронию. Хатидже, обладающая экзотическим именем, имеет совершенно обычную для русской девушки внешность, а Наташа увозит Максимова в город Архангельск, название которого отсылает к ангелическому началу, однако происходящие там события (по сути, измена Хатидже) идут с этим смыслом вразрез. Вместо погибающего ангела Марии в романе К. Г. Паустовского в конце концов умирает демоническая Наташа, и именно ее смерть коренным образом действует на героя, полностью меняя его мировоззрение и понимание роли писателя в судьбе человечества. Таким образом, автор лишь использует проверенные романтические образы и символы, переосмысливая и усложняя их.

Изображение противоположных по характеру героинь в «Романтиках» напоминает попытку воплотить образ идеальной натуры, совмещающей в себе несовместимое. Подобный поиск идеала отсылает к одной из ключевых идей символизма о Вечной Женственности, описанной в трудах В. С. Соловьева [Соловьев 1991]. Двоение этого символа наиболее ярко воплотилось в поэзии А. Блока в сложном соотношении символов Прекрасной Дамы и Незнакомки, в роковом выборе героя «Песни судьбы»⁵ между Еленой и Фаиной [Зусева-Озкан 2020]. Любовь Максимова к двум женщинам – это стремление к недостижимому идеалу, которое одновременно является способом познания себя. В романе К. Г. Паустовского происходит как бы слияние образов Наташи и Хатидже. Первая как бы «завещает» Максимова второй.

Перелом и трансформация романтической традиции обозначены помещением ситуации любовных переживаний героя в катастрофический исторический контекст. Важнейшими событиями, влияющими на изменение героя, становятся поистине трагические события Первой мировой войны, которые

изображаются в романе отнюдь не как романтические приключения: война – это *тоскливые будни, скрежещающие бои, бесплодные мысли, города, превращенные в отхожие места, промокших до портянок солдат, вонючие раны и желтые выпученные глаза трупов* (с. 159). Война является одним из импульсов, заставляющих героя отойти от собственных умозаключений и соединиться с миром и народом, переживающим национальную трагедию. Максимов переживает тяжелейшие моменты войны, в том числе гибель Наташи. Ее прощальное письмо содержит в себе мысли о предназначенности Максимова для сохранения и созидания жизни, озвученные ранее Хатидже, что свидетельствует о полном самоотречении обеих героинь в их любви к художнику. За счет этого достигается слияние двух образов в единый символ Вечной Женственности.

В конечном итоге для постижения жизни и одновременного завершения работы над романом «Жизнь» герою необходимо познать смерть: пережить крушение старого мира, разрушенного мировой войной, потерять возлюбленную. В этом видится отсылка к древнему мифу об Орфее и Эвридике, об актуальности которого в искусстве первой половины XX в. подробно писал А. А. Асоян [Асоян 2004], также содержащему и переплетающему в себе мотивы творчества и любви. Пережив трагическую потерю любимой и не сумев ее спасти, Орфей, по одной из версий, погибает, оставляя память о себе в песнях муз, по другой – находит успокоение в пении собственных песен, посвященных любимой. В любом случае именно потеря любимой сохраняет память о герое в веках, в чем ясно видна победа над смертью.

Заключение

В творчестве К. Г. Паустовского, испытывавшем влияние романтиков, подлинное искусство невозможно без переживания художником состояния любви. Однако автор не останавливается лишь на романтической модели любви: трансформируя ее, он вводит ситуацию любви героя одновременно к двум женщинам. Благодаря этому герой постепенно преодолевает романтическое противопоставление образов ангелической и демонической красавиц через слияние их в единый образ Вечной Женственности. Вместе с тем истинное обретение способности

⁴ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан. In: Пушкин А. С. Сочинения в 3 томах. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худ. лит., 1986. С. 82.

⁵ Блок А. А. Песня Судьбы. In: Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 6. Кн. 1. С. 101–159.

к творчеству дается герою через утрату. Погружаясь в смерть, он преодолевает ее и приходит к полноценному пониманию жизни. Любовь же становится важнейшим импульсом для этого понимания. Именно поэтому рассмотрение темы любви во взаимосвязи с темой творчества в романах К. Г. Паустовского является важнейшим направлением исследования наследия писателя.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор благодарит д-ра филол. наук, доцента, профессора кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций КемГУ Н. В. Налегач за значительную помощь в исследовании.

Acknowledgements: The author expresses gratitude for scientific consultations to Professor Natalya V. Nalegach, Doctor of Philology, Department of Journalism, Russian Literature, and Media Communications, Kemerovo State University.

Литература / References

- Алексанян Е. А. Константин Паустовский – новеллист. М.: Наука, 1969. 166 с. [Aleksanyan E. A. *Konstantin Paustovsky is a short story writer*. Moscow: Nauka, 1969, 166. (In Russ.)]
- Асоян А. А. Семиотика мифа об Орфее и Эвридике. *Сибирский филологический журнал*. 2004. № 1. С. 4–25. [Asoyan A. A. Semiotics of the myth of Orpheus and Eurydice. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2004, (1): 4–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oxoulr>
- Ачкасова Л. С. Человек как нравственная ценность в эстетике К. Паустовского. Казань: Казан. ун-т, 1977. 95 с. [Achkasova L. S. *Man as a moral value in K. Paustovsky's aesthetics*. Kazan: Kazan University, 1977, 95. (In Russ.)]
- Болдонова И. С., Имixelова С. С. Герменевтическая интерпретация эстетики природы К. Паустовского. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2019. № 3. С. 55–61. [Boldonova I. S., Imikhelova S. S. Hermeneutic interpretation of K. Paustovsky's aesthetics of nature. *Bulletin of the Buryat State University*, 2019, (3): 55–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-3-55-61>
- Борисова Д. М. Мотив грозы в творчестве К. Г. Паустовского. *Вопросы культурологии*. 2022. № 8. С. 655–659. [Borisova D. M. Thunderstorm motif in creativity of Konstantin Paustovsky. *Issues of Cultural Studies*, 2022, (8): 655–659. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33920/nik-01-2208-06>
- Борисова Д. М. Образ Пушкинского Заповедника в прозе К. Г. Паустовского. *Вестник Костромского государственного университета*. 2023. Т. 29. № 3. С. 91–100. [Borisova D. M. The image of Pushkin Reserve in the prose of Konstantin Paustovsky. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, 29(3): 91–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100>
- Грешилова И. А. «Золочёные нити» воспитывающего слова К. Г. Паустовского. *Воспитание школьников*. 2023. № 1. С. 22–28. [Greshilova I. A. "Gilded threads" of the educative word of K. G. Paustovsky. *Vospitanie shkolnikov*, 2023, (1): 22–28. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hpvnvd>
- Гримова О. А. Жанровое своеобразие романа «Доктор Живаго». *Новый филологический вестник*. 2013. № 2. С. 7–44. [Grimova O. A. Genre peculiarities of the novel "Doctor Zhivago". *Novyi Filologicheskii Vestnik*, 2013, (2): 7–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sdljml>
- Даренский В. Ю. Художественная философия К. Г. Паустовского. *Вестник РХГА*. 2022. Т. 23. № 4. С. 243–255. [Darensky V. Yu. The artistic philosophy of K. G. Paustovsky. *Vestnik RKhGA*, 2022, 23(4): 243–255. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2022.5.4.019>
- Девятярова О. Я. Нравственные искания героев романа К. Г. Паустовского «Дым отечества». *Актуальные вопросы филологических наук: Междунар. науч. конф. (Чита, 20–23 ноября 2011 г.)*. Чита: Молодой ученый, 2011. С. 47–49. [Deviatyarova O. Ya. The moral quest of the personages in K. G. Paustovsky's novel *The Smoke of Fatherland*. *Topical issues of philological sciences: Proc. Intern. Sci. Conf., Chita, 20–23 Nov 2011*. Chita: Molodoi uchenyi, 2011, 47–49. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vjymzd>
- Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. 424 с. [Zhirmunskiy V. M. *Byron and Pushkin*. Leningrad: Nauka, 1978, 424. (In Russ.)]

- Зусева-Озкан В. Б. «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» М. А. Кузмина как один из источников пьесы А. А. Блока «Песня Судьбы». *Вестник славянских культур*. 2020. № 56. С. 121–130. [Zuseva-Ozkan V. B. "The comedy of Eudoxia of Heliopolis, or the Converted Courtesan" by M. A. Kuzmin as a source of A. Blok's play "The Song of Fate". *Vestnik Slavianskikh Kultur*, 2020, (56): 121–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-121-130>
- Карпеченко Т. В. Писатель и творчество в эстетической концепции К. Г. Паустовского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 242 с. [Karpechenko T. V. *Writer and creativity in K. G. Paustovsky's aesthetics*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdajor>
- Кременцов Л. П. К. Г. Паустовский: жизнь и творчество: книга для учителя. М.: Просвещение, 1982. 96 с. [Krementsov L. P. K. G. *Paustovsky's life and work: Teacher's book*. Moscow: Prosvechshenie, 1982, 96. (In Russ.)]
- Левицкий Л. А. Константин Паустовский: очерк творчества. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1977. 408 с. [Levitskiy L. A. *Konstantin Paustovsky: An essay on creativity*. 2nd ed. Moscow: Sov. pisatel, 1977, 408. (In Russ.)]
- Липовецкий М. Н. Неоромантизм в русской поэзии XX–XXI веков: смысл и границы понятия. *Филологический класс*. 2018. № 1. С. 13–18. [Lipovetsky M. N. Neoromanticism in Russian poetry of the XX–XXI centuries: Meaning and scope of the concept. *Philological Class*, 2018, (1): 13–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytvckg>
- Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект пресс, 1995. 384 с. [Mann Yu. V. *Dynamics of Russian romanticism*. Moscow: Aspekt press, 1995, 384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scgjvn>
- Мантрова С. А. Сила разума, бросившая вызов природе. Проблема взаимоотношений человека и природы в повести «Кара-Бугаз». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 9. С. 110–117. [Mantrova S. A. The power of mind challenging nature. Problem of relationship between man and nature in novel "Kara-Bugaz" by K. G. Paustovsky. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2010, (9): 110–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvbdqv>
- Минц З. Г. Футуризм и неоромантизм: К проблеме генезиса и структуры «Истории бедного рыцаря» Елены Гуро. In: Минц З. Г. *Блок и русский символизм: Избранные труды в 3 кн.* СПб.: Искусство-СПб, 2004. Кн. 3. С. 317–326. [Mints Z. G. Futurism and neo-Romanticism: Genesis and structure of A Poor Knight's Story by Elena Guro. In: Mints Z. G. *Blok and Russian Symbolism: Selected works in 3 books*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2004, book 3, 317–326. (In Russ.)]
- Налегач Н. В. Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928). *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15. № 5. С. 28–35. [Nalegach N. V. The role of the motive of reading in K. Paustovsky's novel "Shining Clouds" (1928). *Humanitarian Vector*, 2020, 15(5): 28–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35>
- Рахимова Р. Д. Художественное своеобразие рассказов Паустовского (50–60-е годы) 20 века. *Русский язык и литература в современных реалиях*: Республ. науч.-практ. конф. (Душанбе, 7 февраля 2023 г.) Душанбе: Таджикский национ. ун-т, 2023. С. 93–96. [Rakhimova R. D. Artistic originality of Paustovsky's stories (50–60s) of the 20th century. *Russian language and literature in modern realities*: Republican Sci.-Prac. Conf., Dushanbe, 7 Feb 2023. Dushanbe: Tajik National University, 2023, 93–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wsygxi>
- Сивова Т. В. Пространство мещерского леса в пространственной концептосфере произведений К. Г. Паустовского. *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. 2023. Т. 11. № 1. С. 207–224. [Sivova T. V. The Meshchersky forest space in the spatial conceptosphere of K. Paustovsky's works. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 2023, 11(1): 207–224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/spbdcx>
- Скороходов М. В. К. Г. Паустовский – читатель: к вопросу о круге чтения и библиотеках писателя и героев его произведений. *Русская словесность*. 2023. № 3. С. 55–62. [Skorokhodov M. V. Konstantin G. Paustovsky – reader: To the question about the reading circle and the libraries of the writer and the heroes of his works. *Russkaia slovesnost*, 2023, (3): 55–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aefust>
- Соловьев В. С. Смысл любви. *Русский Эрос, или Философия любви в России*, сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 19–77. [Solovyov V. S. The meaning of love. *Russian Eros, or the Philosophy of Love in Russia*, ed. Shestakov V. P. Moscow: Progress, 1991, 19–77. (In Russ.)]
- Хрящева Н. П., Сухорукова Ю. А. Позднее творчество К. Г. Паустовского: движение к поэтике метапрозы. *Урал. филол. вестник. Сер.: Рус. лит.-ра XX–XXI веков: направления и течения*. 2012. № 1. С. 71–83. [Khryashcheva N. P., Sukhorukova Yu. A. Late works by K. G. Paustovsky: towards the poetics of metaprose. *Ural. filol. vestnik. Ser.: Rus. lit.-ra XX–XXI vekov: napravleniia i techeniia*, 2012, (1): 71–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/phnvsv>